В исторической части „Слова о житии“ довольно заметно ощущается библейский стиль. Через Летописную повесть вошло сопоставление мужества Дмитрия с „доблестью“ Авраама: „и въсприим Аврамлю доблесть“; из повести об Александре Невском — образ: Дмитрий возвратился с победою, „яко же преже Моисии Амалика победив“. Но есть библейские сопоставления и независимые от данных литературных источников автора. Так, Мамай похвалился завоевать Русскую землю и уничтожить в ней христианскую веру и потому погиб, „аки преже и Ог царь Васаньскыи, похвалися на кивот завета господня, сице похвалився, сам погибе“. По своему отношению к ближним Дмитрий был „яко Давыд богоотець“, который „Сауловы дети миловаше“, или „по велику Иову“. Целомудренная жизнь великого князя была выполнением завета „божественнаго апостола Павла“, который говорил: „вы есте церкви бога живаго, яко же рече: вселюся в ня и похожу“. Из библейских цитат автор „Слова о житии“ создавал иногда оригинальные образы. Так, характеризуя Дмитрия — „злобою младенець обреташеся, а умом всегда съвершен бываше“, — он использует наставление послания I апостола Павла к коринфянам: „злобою младеньствуйте, а умом свершени бывайте“ (XIV, 20); в предсмертном завещании детям Дмитрий просит их: „а обяжите себе заповеди моя на шию свою и въскладите словеса моа в сердце ваше“ — этот образ навеян наставлениями отца сыну в притчах Соломона: „Милость и истина да не оставляют тебя: обвяжи ими шею твою, напиши их на скрижалех сердца твоего“, „не отвергай наставления матери твоей: навяжи их навсегда на сердце твое, обвяжи ими шею твою“ (III, 3 и IV, 20—21, ср. VII, 3).

К библейскому языку ведут и сравнения типа: Дмитрий „в всем мире славен бысть, яко и кедр в Ливане умножившеся и аки финикс в древесе процвете“, „пророк на стражи божиа смотрениа“, „въскипе земля Руская в дне княжениа его, яко преже обетованная Израилю“.

Обзор литературных источников „Слова о житии“ в его первой части показывает, что автор шире использовал не историческое повествование, а религиозно-дидактическую литературу. Центральный эпизод — борьба с Мамаем — изложен бледно, без той фактичности, которой можно было бы ожидать от современника событий. Впрочем, и цель, которую поставил перед собой автор, заставляла его сосредоточивать все внимание на главном действующем лице; поэтому подробности битвы, роль в ней других участников остались вне поля зрения автора. Основная задача — прославление великого князя — выполнена средствами не исторического, а церковно-панегирического стиля. Этим стилем автор владел свободно, притом в той форме, какую панегирики получили в конце XIV — начале XV вв. Юго-славянская панегирическая литература, украшенные биографии правителей независимых славянских государств и „похвалы“, сплетенные русскими панегиристами XV в., были теми образцами, которым следовал в данном случае автор.

Вглядываясь в приемы автора в первой части „Слова о житии“, не можем не заметить сходства их с манерой Епифания Премудрого.[1] Жития Стефана Пермского и Сергия Радонежского и похвальное слово Сергию родственны некоторыми сторонами своего изложения „Слову о житии“ Дмитрия Донского. Сходство обнаруживается, прежде всего, в одинаковом пристрастии обоих авторов к библейскому языку, причем они прибегают иногда к одним и тем же образам, повторяют одни

[1] Цитаты из сочинений Епифания Премудрого приведены ниже по следующим изданиям: Житие св. Стефана епископа Пермского, написанное Епифанием Премудрым. Изд. Археогр. ком., СПб., 1897; Древние жития преп. Сергия Радонежского. Собраны и изданы акад. Н. Тихонравовым. М., 1892.